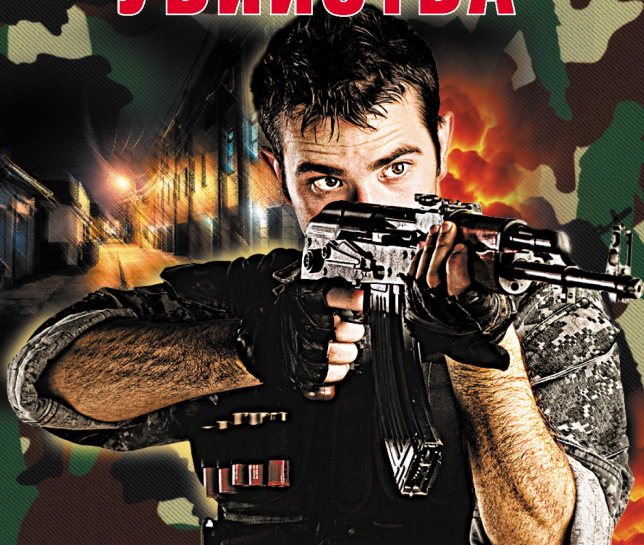

АЛЕКСАНДР ШУВАЛОВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**СЦЕНАРИЙ
УБИЙСТВА**

Александр Шувалов

Сценарий убийства

Серия «Спецназ. Офицеры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67254891

А. Шувалов. Сценарий убийства: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2022

ISBN 978-5-04-166306-3

Аннотация

Роман о современных войнах и их участниках – российских офицерах спецназа. Уникальная возможность познакомиться с секретными механизмами сложной боевой работы, стать «участником» запутанных операций в различных странах мира.

Офицеру спецназа ГРУ Стасу Кондратьеву поручено найти и ликвидировать некоего Тобиаса Штейнера по кличке Сценарист. Он занимается разработкой подробных планов террористических операций, которые потом продает экстремистам всего мира. Известно, что Штейнер падок на красивых женщин. Поэтому в помощь Стасу дают симпатичную напарницу, которой предстоит завлечь Сценариста в ловушку. Все идет по плану, пока в последний момент в дело неожиданно не вмешиваются представители одной из самых известных западных контрразведок...

Содержание

Эпилог, оказавшийся на месте пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Концерт первый. Господин сочинитель	24
Часть первая	24
Глава 1	24
Глава 2	29
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	45
Часть вторая	49
Глава 6	49
Глава 7	53
Глава 8	57
Часть третья	62
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	70
Эпилог. В смысле антракт первый	76
Антракт второй	79
Концерт второй. Через реки, горы и долины	81

Часть первая	81
Глава 1	81
Глава 2	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Шувалов

Сценарий убийства

© Шувалов А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Можете считать все рассказанное в этой книге бредом сивой кобылы или плодом разгулявшегося воображения автора. Спецслужбы России никогда ничем подобным не занимались. Так же как и спецслужбы других стран – наших уважаемых партнеров.

Эпилог, оказавшийся на месте пролога

Москва. Начало нулевых.

– Привет! Ты где?

– Уже на месте.

– Отлично, скоро буду.

– Жду.

Ночь, улица, фонарь, дорога. Автобусная остановка. Не поймешь, не присмотревшись внимательно, где все это происходит. А потом присмотришься – ба, Россия-матушка! Дорога как после бомбежки. На обочинах горы мусора. Краткие, но выразительные комментарии на великом и могучем на двух оставшихся стеклянных стенках остановки. И берущие за сердце слова на приклеенном к стойке листе:

ОПИЛКИ, ПЕСОК, ГРАВИЙ.
КОРОВЫ, КОНИ, НАВОЗ.

Несмотря на позднее время, остановка не пустовала. Некто в темном плаще до пят и надвинутой на нос кепке замер на скамейке в углу – то ли дремал, то ли ждал кого-то. И дождался.

Мимо него сначала пронеслась, подпрыгивая на ухабах,

«Газель». Потом чинно прокатила «музыкальная шкатулка» — тонированная «девятка», — облагораживая окрестности чудными звуками то ли тяжелого рока, то ли таджикского рэпа, а может, и того и другого одновременно.

А потом подъехал невзрачный темный автомобиль. Медленно опустилось переднее правое стекло. Три хлопка слились в один. Так бывает, когда кто-то торопливый или просто умелый ведет огонь из «ствола» с фирменным глушителем. Все пули попали в цель. После каждого попадания фигура на скамейке вздрагивала, не произнося ни звука.

Закончив стрельбу, водитель вышел из машины и двинулся к остановке. Он был невысокого роста, в темных брюках, темной, скрывающей очертания фигуры толстовке и в надвинутом по самые брови капюшоне. Он приблизился к сидящему, присмотрелся и...

И тут в кармане толстовки высветилось окошко телефона, и он сам забился, как рыба на крючке. Опять же без звука.

Глава 1

Москва. Начало нулевых.

Главное разведывательное управление.

– Мне нужен твой парень, Сергеич. Этот, как его... Ах да, Скоморох.

– Имей совесть, Леша! Он же всего десять дней как из командировки!

Хозяин кабинета, моложавый генерал, тяжело вздохнул:

– А то я сам не понимаю.

– А ежели понимаешь, возьми кого-нибудь другого. Из их отдела сейчас трое в Москве.

– Все-то ты знаешь, Сергеич...

Генерал снова вздохнул и искоса глянул на устроившегося за столом напротив здоровенного седого мужика в надежде, что тот войдет в его непростое положение (впрочем, других положений у начальства не бывает), но с грустью констатировал, что тот не повелся.

– Щас зарыдаю, – хмыкнул тот. – Колись уже, Леха, в чем дело?

Эти двое были знакомы давно и долго, с того самого дня двадцать с копейками лет назад, когда матерый оперативник капитан Федор Кандауров взялся опекать пришедшего в группу молодого и зеленого, как весенний лист, лейтенанта Алексея Краснова. Кое-чему научил его, пару раз серьезно

помог, и у того со временем многое стало получаться. Этим и объяснялся тот факт, что наедине Краснов позволял себе обращаться к старшему по должности и званию на «ты» и называть его Сергеичем, сохранил с тех давно прошедших лет чувство уважения и благодарности к старшему товарищу и бывшему наставнику.

– В чем дело, в чем дело... – проворчал генерал. С некоторым усилием (животик мешал) он дотянулся до приоткрытого сейфа, извлек из его недр папку и протянул собеседнику. – Читай, сейчас все поймешь. – Он поднял трубку телефона внутренней связи. – Два черных кофе. Крепкий и очень крепкий. – Столько лет прошло, а вкусовые пристрастия старшего товарища из памяти не выветрились.

– Да-а-а... – Полковник захлопнул папку. – Интересное кино! Даже не знаю, как идти с этим к Стасу. Даже боюсь, если честно.

– Да ладно, – усмехнулся генерал, прекрасно знающий, что Кандауров Ф. С. никогда, ничего и никого не боялся. – Что этот Скоморох с тобой сделает? Забьет насмерть домашней тапкой?

– Утопит, – на полном серьезе ответил тот. – В слезах.

– Искренне сочувствую... Кстати, где он сейчас?

– На даче в поселке Клязьма.

– У парня дача на Клязьме? Однако!

– У меня там дача, а Стас сейчас самый натуральный бомж. После того как кое-кто, – он ткнул пальцем в сторону

начальственного кресла, – турнул его со служебной квартиры, а саму квартиру толкнул налево.

– Это не я, Сергеич! – возопил, прижав руки к груди, хозяин кабинета. – Чем хочешь поклянись!

– Знамо дело, не ты. Генерал Петя Быстриков, твой предшественник, постарался. Только парню от этого не легче.

– Значит, так. – Генерал пристукнул ладонью по столу. – Беру этот вопрос под личный контроль. Как только твой парень вернется...

– Даже не мечтай, – покачал головой Кандауров. – К его возвращению у него уже должно быть жилье, чтобы я вывез наконец его шмотки из своей квартиры. И учти...

– Уже все учел, – отозвался бывший лейтенант Леха. – Завтра с утра едешь к нему.

Полковник глянул умоляюще:

– Давай в понедельник! Пусть парень еще пару дней отдохнет...

– Черт с тобой, уговорил.

Глава 2

– Вот скажи мне, Дункан: если у тебя тысяча лиц и одно из них добрые люди разбили вдрызг, то почему болит исключительно собственная морда? Родная, пусть и переделанная пластикой.

Дункан молча кивнул.

– И еще: если ты все время живешь чужой жизнью, когда наконец-то удастся пожить собственной?

Ничего себе вопросы, согласитесь. Откуда только, с какого перепоя?

Все просто. Дело в том, что я оперативник Главного разведывательного управления. А еще притворщик. Что это значит? А то, что я на совесть обучен без проблем вливаться в любое общество и растворяться в нем без осадка, подобно капле водопроводной воды в стакане с той же водой. Меня принимают за своего жители российской глубинки, где в моде до сих пор спортивные костюмы производства братского китайского народа и где самым элитарным напитком по праву считается коктейль «Фантазер» (фанта плюс водка «Пять озер» в произвольных пропорциях). И на светском рауте, где никто не говорит по-русски, среди господ во фраках и дам в вечерних платьях и с бриллиантами я тоже не буду выглядеть белой вороной, если, конечно, успею вымыть шею, скинуть треники и нарядиться во что-нибудь подходящее слу-

чаю. А еще я могу в кратчайшее время резко поменять образ и начать существовать в нем настолько естественно, что ни у кого не возникнет и тени сомнения, что я именно тот, кем притворяюсь, а не ряженный. В свое время меня здорово обучили этому и многому другому, о чем говорить не стоит. До сих пор не могу понять, как у меня все это получается. Насколько помню, я никогда, с самых юных лет, не испытывал ни малейшей тяги к лицедейству, не участвовал в художественной самодеятельности и даже не читал стишков со сцены. Да и не стоит называть лицедейством то, чем я занимаюсь. Я ведь не играю, а именно проживаю жизнь персонажа, надев его личину, притворившись им. Этим-то мы, притворщики, – а нас в управлении таких несколько, – и отличаемся от актеров. Ведь на кону в нашей работе стоит не какой-нибудь приз какой-нибудь академии, а успех выполняемого задания, в случае провала которого вряд ли обойдешься одной лишь разбитой мордой.

Кстати о ней, о морде. В конце крайней командировки мне начистили ее трое англоговорящих мажоров. Не слишком сильно, ребята били не для того, чтобы покалечить, а просто с целью слегка унизить и поиздеваться. Возможно, им просто было скучно, и они так развлекались. И ведь я мог бы неприятно удивить всех троих хотя бы потому, что эти засранцы обучались размахивать ручонками и ножонками в спортивных залах и фитнес-центрах, а я учился выживать на войне. На той самой, афганской, которой нынче дома стесня-

ются, как триппера. А выжить на войне можно, только уничтожив того, кто собирается уничтожить тебя. Да и в дальнейшем я еще кое-чему обучался в разных заведениях без вывесок. Так что мог бы, повторяю, ответить им, но делать этого не стал из боязни выйти из образа милого интеллигентного европейского человека – лоха, если по-русски. Поэтому я смиренно принимал на себя удары и униженно просил этих козлов прекратить меня мутузить. Они и прекратили, когда слегка утомились. Или им просто это занятие надоело.

– Вот так-то, Дункан.

Синяки и ссадины уже несколько дней как сошли. Осталось лишь чувство горечи, хорошо знакомое всем, кто хотя бы раз получал «звездюлей». Да и это чувство быстренько прошло, уступив место куда более сильным эмоциям.

Вернувшись, можно сказать, с победой домой, я с удивлением обнаружил, что дома-то у меня больше и нет. Генерал, начальник нашего управления, перед тем как его за все хорошее с почетом выперли на заслуженный отдых, забавал самый настоящий дембельский аккорд: за какой-то месяц умудрился переоформить четыре числящиеся за управлением служебные квартиры и тут же их продать. И мою в том числе. Все нажитое непосильным трудом было перевезено на квартиру моего куратора, и я переехал к нему на дачу в поселок на Клязьме. Здесь я и живу вот уже вторую неделю в компании Дункана – здоровенного ирландского волкодава, чем-то отдаленно напоминающего своего хозяина. Мы виде-

лись года три назад, когда он был еще щенком, сидел у меня на коленях, жевал мою руку и настойчиво требовал внимания и вкусняшек. И он вспомнил меня, отнесся ко мне вполне доброжелательно.

Жизнь потихоньку наладилась. Утром «крошка» Дункан будит меня вежливым лаем, мы завтракаем и отправляемся на речку. Возвращаемся и опять идем спать: я – на диван, он – куда-нибудь в тень. По вечерам после ужина я усаживаюсь в кресло-качалку на веранде. Пес ложится рядом, мы разговариваем. Дункан отличный собеседник, смотрит с пониманием, иногда кивает. И никогда не перебивает.

– Ты классный парень, дружище, хоть и иностранец.

Я почесал пса за ухом. Тот постучал хвостом по полу в знак одобрения.

В первый день, когда я сюда заехал, мы с Сергеичем, моим куратором, как следует отметили окончание командировки, – а заодно и новоселье, – водочкой под вареную картошечку, огурчики-помидорчики и грибочки его собственного посола.

После его отъезда я постепенно перешел на чай. Душа успокоилась. Все мерзкое и гнусное осталось где-то в прошлом. Совершенно не хотелось думать о том мерзком и гнусном, что ожидает в будущем. Наступило редкостное состояние, именуемое гармонией.

– И пусть оно длится подольше! Верно, Дункан?

Пес глянул с пониманием, еле слышно вздохнул и уронил

башку на вытянутые лапы. Наверное, намекнул, что хорошее никогда не длится долго.

Глава 3

Мерзкие предчувствия, к сожалению, сбываются гораздо чаще, чем надежды на что-нибудь хорошее. Я догадался, что мой заслуженный отпуск накрылся большим медным тазом, как только Сергеич вылез из машины – сильно подержанной «Волги», ровесницы горбачевской перестройки.

Дункан рванул к хозяину, встал на задние лапы, положил передние тому на плечи и застыл.

– Ну как вы тут без меня, Дуня? Не сильно баловались?

Мимикой и жестами пес дал понять, что вел я себя в основном прилично. Естественно, под его чутким руководством. Не хулиганил и, уж конечно, ни разу не позволил себе назвать его Дуней.

– Вот и славно. – Сергеич повернулся ко мне: – Пошли в дом, Стас, чайку попьем, о делах потрещим.

– Скорбных? – догадался я.

– Точно. – Он вздохнул. – Извини уж. Я, как мог, старался тебя отбить, но... – Он махнул рукой. – Короче, пошли пить чай.

Кураторов назначают, но если бы мне разрешили выбирать самому, я бы точно выбрал Сергеича. Полковник Кандауров Ф. С. – личность в нашем управлении известная. Кто-то даже считает, что легендарная. Высоченный, плечистый и очень сильный. Язык не поворачивается назвать его ветера-

ном, несмотря на стремительное приближение к предельному возрасту нахождения на службе.

По конторе ходит множество легенд о том, что он вытворял, работая в поле. Например, как в конце семидесятых взял и сбежал от сотрудников хваленной М15 в горах Шотландии с вареной курицей под мышкой и полными карманами ворованных секретных документов. Птичку Сергеич по дороге, ясное дело, слопал, а секреты через три дня оказались в нашей резидентуре во Франции.

Или как в восьмидесятых его жестко брали на тайниково-вой операции в Турции. Избили при этом, что называется, в мясо, но Кандауров отбилсЯ и ушел, не забыв прихватить с собой извлеченную из тайника закладку в полпуда весом. Через неделю, когда он объявился на Родине с контейнером, его даже не сразу узнали, уж больно непохож он был на себя прежнего. Если приглядеться, то до сих пор можно заметить на его лице явное доказательство того, что медицина все-таки не всесильна.

А еще он как-то в Африке в буквальном смысле поломал одного шибко крутого перца из МОССАДа, большого спеца в области крав-маги. Тот, говорят, повел себя очень неправильно. Мне рассказал об этом под очень большой стакан один отставной диверсант, приятель Сергеича.

Кто-то может подумать, а кто-то просто уверен, что полковник Кандауров – обычный костолом из прошлого, осколок давно прошедшей эпохи. Я тоже так думал поначалу, по-

этому пропускал мимо ушей его советы до тех пор, пока в один прекрасный день не убедился, что прав чаще оказывается он, а не я. Постепенно я осознал, что у моего куратора прекрасно развита не только мускулатура.

– Ну что, – Сергеич отставил в сторонку персональную полулитровую кружку. – К делу?

– К делу так к делу, – голосом только что обещенной отрядом революционных матросов гимназистки отозвался я.

Еще тлея в глубине души надежда, что дядя Кандауров расчувствуется, усядется в свою машину-обманку (якобы престарелое детище якобы Горьковского автозавода. От «Волги», чтобы вы знали, у нее остался только корпус. Она без напряжения разгоняется по шоссе до двухсот пятидесяти. Никогда не замечали, что не только собаки, но и автомобили зачастую похожи на собственных хозяев?) да укатит в столицу. А я останусь на даче с Дунканом, которого, может, и хочу, но опасаясь называть Дуней. Но крик моей истерзанной души явно не был услышан.

– Один наш толковый парень вычислил местоположение достаточно интересного персонажа и даже собрал на него кое-какую информацию.

– Ух ты! – Я склонил голову. – Молодец, однако!

– Еще какой молодец. Не ты один трудишься за кордоном в поте лица.

– А что за персонаж?

– Тот, кто пишет сценарии.

– Какие сценарии? – Я понял, что раз отвертеться от работы не получится, надо включаться.

– Сценарии террористических актов и острых операций по всему миру. Потом продает их тем, кто в состоянии заплатить.

– И?..

– Парочка таких сценариев уже была реализована у нас в Поволжье и Ханты-Мансийске.

– Ты имеешь в виду?..

– Совершенно верно. И еще один раз не срослось в Краснодарском крае.

Глава 4

– Погоди, я кое-то вспомнил. Это не тот, случайно, кого называют Режиссером?¹

– Не тот. Режиссера уже грохнули. – Сергеич ехидно улыбнулся. – Два раза штатники и один раз наши. И те и другие с полным набором доказательств.

– Тогда кто?

– Некто Тобиас Штейнер. – Он извлек из портфеля папку со шнурками, какие уже сто лет не делают, достал из нее несколько фото и разложил на столе.

Худощавый блондин лет сорока с небольшим. Ничем не примечательная физиономия, разве что нос длинноват. Одет со вкусом и недешево, у товарища явно полный порядок с деньгами.

– Бывший сотрудник австрийского Федерального агентства по защите Конституции и борьбе с терроризмом.

– Трудился в поле?

– А черт его знает. Может, в полях геройствовал, а может, в бухгалтерии штаны просиживал. Лет пять назад вышел в отставку и принялся сочинять романы.

– Успешно?

– Увы. Ни Флеминга, ни Кленси из парня не вышло. А

¹ О международном террористе по прозвищу Режиссер рассказывается в романе автора «Оживший».

вот со сценариями срослось. Каким-то образом он вышел на заказчиков и с тех пор печет их как пирожки... Теперь это твой объект, Стас.

– В каком смысле?

– В буквальном. С товарищем нужно разобраться раз и навсегда. А потому...

Я не дал ему договорить:

– Надо его грохнуть?

Сергеич молча кивнул.

– Почему именно я? Не понимаю.

– Ты не дослушал, – мягко укорил меня Кандауров. – Не просто, как ты выразился, грохнуть, а сделать так, чтобы то, что останется от этого сочинителя, никто и никогда не нашел. Времени у тебя на это всего ничего. – И тут же ответил на вопрос, который я не успел задать: – Пока информацией по нему владеют немногие, но кто может гарантировать, что она не просочится?

– Никто. Текло, течет и впредь будет протекать.

– Вот. А тогда из нашей Генпрокуратуры обязательно отошлют запрос в страну пребывания этого деятеля с просьбой о задержании, копия пойдет в Интерпол. Ответ, думаю, тебе известен.

– Естественно. Нас крайне корректно пошлют на хрен.

– А после этого нам Тобиаса будет уже никак не достать. Потому как ежели с ним хоть что-нибудь произойдет, даже если он сам упадет по пьяни и расквасит нос, один черт об-

винят в этом Россию.

– Ну да. После того случая, когда кого-то там обсыпали с ног до головы полонием...

– Молодец, сам все понимаешь. Задача, конечно, не из простых, но с твоими возможностями вполне выполняма.

– В одиночку мне трудновато будет. Может...

– Может. – Он протянул мне еще одно фото. – Вот, Стас, твой напарник. Вернее, напарница. Узнаешь?

Узнал, конечно же.

– А можно кого-нибудь другого?

– Нельзя. Наш парень – еще тот ходок, и эта дамочка как раз в его вкусе. Нравятся ему, понимаешь ли, женщины-статуэтки. Западал бы на атлеток и всяких бой-баб – подобрали бы другую. Была кандидатура – классная девчонка, выпускница разведшколы в Сибири. Рост метр восемьдесят пять, вес под восемьдесят. Дважды победительница первенства Сибири и Дальнего Востока по смешанным единоборствам. Спортивные достижения частично на лице.

– Ой, ладно тебе, Сергеич...

– Нет, ты дослушай. Отличный стрелок, умело владеет холодным оружием. Прекрасно маскируется в горно-лесистой местности. Иностранными языками вот только совсем не владеет, да и по-русски изъясняется исключительно с помощью мата. Знаешь, что она ответила, когда ей объявили благодарность перед строем?

– Даже боюсь предположить.

– «Служу, б...ть, России», – она ответила! А за неделю до выпуска зверски отметелила в баре двоих парней, предположительно из братвы.

– Приставали с глупостями?

– Ни черта подобного! Выжрали всю водку, которую она им выставила, и нагло отказались домогаться... Как тебе теперь кандидатура?

– Возражения снимаются. Принял, осознал, исправлюсь.

– Последнее слово несправедливо осужденного?

– Не дождешься... Хотя, если честно, очень не по душе мне этот парный конференс.

– Всего один-единственный концерт. Так, кажется, у вас, мастеров разговорного жанра, говорят?

– Ладно. – Я встал. – Будем работать с той, которую назначили. Поехали.

Кандауров просиял:

– Вот и отлично! Сейчас Дуню домой забросим – и сразу в контору.

Я сел на переднее сиденье, Дункан вольготно устроился на заднем. Сергеич аккуратно вырулил со двора.

– Уже начал думать?

– Начал прикидывать, как буду ловить господина сочинителя на Бульдожку.

– Бульдожку? – удивился он. – Вроде не похожа...

– Еще как похожа, если как следует присмотреться.

Концерт первый. Господин сочинитель

Часть первая

Глава 1

Днем в этом кафе в Старом городе² обычно малолюдно, но я, миновав несколько свободных столиков, без спроса подсел к скучающей в одиночестве даме. Или нескучающей, неважно. Светловолосую очаровашку такая наглость не возмутила. Напротив, девушка расцвела в радостной улыбке.

– Привет, Алекс!

– Хорошо, что не Юстас, – буркнул я и тоже изобразил радость от «нечаянной» встречи. – Здравствуй, Гертруда. – Я поднял руку, подзывая официанта. – Говори по-английски, пожалуйста.

Она слегка покраснела.

– У меня же акцент...

– Во-первых, он почти незаметен, а во-вторых, здесь все говорят с акцентом.

² Старый город – район Стокгольма.

В подтверждение своих слов я сделал заказ подошедшему официанту прямо-таки на нигерийском варианте языка гордого Альбиона. Он меня прекрасно понял.

— Как скажешь, дорогой. — Глянула, как рублем одарила. В смысле, полновесной шведской кроной. — Кстати, рада тебя видеть. И работать с тобой.

— Взаимно, — почти не соврал я. Вернее, соврал, но ровно наполовину.

Я был бы совсем не против пересечься с ней где-нибудь дома, в России, выпить кофе или еще чего-нибудь, поболтать, проводить ее до подъезда и отправиться к себе, целомудренно не напрашиваясь в гости с целью совместно позавтракать утром. Но не здесь и не сейчас. Почему? Постараюсь объяснить.

Мы уже встречались раньше. Время от времени нас, действующих оперативников, привлекают к преподаванию в разного рода интересных учебных заведениях без вывесок (не напрасно считается, что будущим Джеймсам Бондам, Джейсонам Борнам и разным прочим полезно обучиться ремеслу именно в России, дабы дальнейшая судьба слушателей сложилась не так печально, как у несчастной простушки Маты Хари). К моменту нашего знакомства отучившаяся полтора года Инна уже была одной из лучших слушателей курса. И в дальнейшем не без моей скромной помощи стала *самой* лучшей.

Она на удивление быстро научилась менять не просто

внешность, а целые образы и свободно существовать в любом из них. Хотя в виде закомплексованной страшенькой старой девы, хоть холодной высокомерной светской красавицы. Даже разбитной шалавистой девки из проблемного района без тормозов и с заниженной до уровня плинтуса социальной ответственностью.

Инна буквально схватывала на лету все, чему ее учили, и не просто бездумно проглатывала, а дотошно докапывалась до сути, а потом задавала вопросы. За эту настырность она и была прозвана Бульдожкой. Именно так я и буду ее называть впредь.

В меня она вцепилась мертвой хваткой и, надо признать, выучилась еще кое-чему помимо умения притворяться.

Учебу она закончила лучшей из лучших, руководство учебного заведения выдало ей наилучшую характеристику и выразило твердую уверенность в том, что девушку ожидает блестящее будущее в профессии. Здорово, правда? Только я не слишком рад этому. Почему? Да потому что учеба и работа – это не просто две большие, а две огромные разницы.

Не выходит из памяти история одного начальника. Товарищ окончил с золотыми медалями ясли, детский сад, среднюю школу, военное училище и целых две академии – общевойсковую и Генерального штаба. А потом умудрился за какие-то полгода бездарно развалить порученную ему работу. Выправил ситуацию за то же приблизительно время гэкאותий и матеряющийся через два слова на третье хулиганистый

мужик родом откуда-то с юга России, твердый троечник, по словам бывших соучеников.

Есть и собственный пример перед глазами. Я ведь тоже был лучшим из полутора десятков себе подобных и почему-то решил, что и в дальнейшем буду исключительно первым номером всегда и во всем. Реальная жизнь и работа в поле быстренько восстановили статус-кво, а меня с размаху усадили на задницу. Отдельное спасибо старшим товарищам – с их посильной помощью я осознал, что никакой я не гений и не звезда разведки, а ровным счетом никто и звать меня соответственно. Пришлось срочно поумнеть. Вроде получилось: тружусь второй десяток лет и до сих пор еще живой. И всего одно проваленное задание в послужном списке.

Бульдожку природа наградила способностями, полагаю, бóльшими, нежели меня. И добьется она в нашем ремесле многого, если в нужное время нарисует старший товарищ и отвесит ей хорошего пенделя, чтобы не особо заносилась и чтобы ее не унесло не туда. Вот только никого не обрадует перспектива стать кузницей кадров напарнику. И меня не обрадовала.

Так что...

– А ты франт, Алекс, – вторглась в мои невеселые мысли Бульдожка.

– Стокгольмский стиль, дорогуша. Мужчины здесь трепетно относятся к шмоткам. А женщины...

– Знаю, – она поморщилась. – Сплошь скучные «серые

мышки».

– Молодец, пять с плюсом. Поэтому сходи-ка ты, подруга, в toalett и смой с личика косметику, чтобы не бросаться в глаза.

Бульдожка закусила губку.

– Прямо сейчас? Можно я хотя бы кофе допью?

– Можно... Тебе уже сняли жилье?

Она кивнула и назвала улицу.

– Где это?

– Район Тенста, кажется, – она снова поморщилась. – Грязновато, и народ там какой-то странный. Большинство не шведы.

– Суки, – тихо, но с чувством проговорил я. – Хорошо еще, что не в Ринкебю.

– Ты о ком?

– Опер из посольской резидентуры решил срубить денег, поэтому снял квартиру подешевле. А в отчете укажет сама понимаешь что.

– А что в Ринкебю?

– Плохо там, – грустно отозвался я. – Там бы тебя, подруга, в первые же десять минут попытались ограбить, изнасиловать и грохнуть. Причем в любой последовательности.

– Ни фиги себе...

– Ты у нас девочка резкая, навалила бы там трупов и тут же попала бы под колпак местной полиции. Такие районы – не поверишь! – неплохо освещаются.

Бульдожка кивнула:

– Верю.

– Поэтому сейчас ты идешь умываться, а потом едем к тебе, забираем вещички...

Она выдвинула из-под стола среднего размера сумку. И как я ее раньше не заметил?

– Уже.

– Молодец, соображаешь.

Пока что все идет нормально. Глядишь, сработаемся.

Глава 2

– Можно вопрос?

– Валяй.

– Почему здесь только мы? Где помощь? Согласно инструкции номер... от... они обязаны... – Она принялась цитировать по памяти, да так бойко – как будто с листа зачитывала.

– Видишь ли... – я замялся.

В Москве мне клятвенно пообещали помощь, особенно на предварительном этапе. На нас с Бульдожкой должны были в поте лица трудиться оперативники резидентуры при посольстве и, может быть, кто-нибудь из нелегалов. Но не срослось. Всех троих нелегалов срочно перебросили в Норвегию – там что-то уж слишком сильно зашевелились активисты одной из запрещенных в России исламских организа-

ций. Прошла информация, что эти красавцы готовят через своих единомышленников очередную пакость на территории нашей страны, вот и бросили все имеющиеся в регионе силы, чтобы через них накрыть всю сеть. А посольские просто послали меня на хрен. Началось с того, что резидент не нашел времени и возможности принять меня. Занят, дескать, дел по горло, прости, если можешь. Явившийся вместо него на randevу заместитель только и делал, что виновато улыбался, разводил руками и что-то бормотал. Улыбался, бормотал и разводил. Меня.

– Неужели ничего нельзя сделать, Юра?

Мы были знакомы не первый год, и до сих пор я считал устроившегося в кресле напротив меня полнокровного румяного блондина порядочным мужиком и толковым оперативником.

– Прости, старик, никак. – Тот в очередной раз сделал движение руками. – Народу у нас сейчас – всего ничего. Из них двое в отпусках, один приболел. Трое, прости господи, редкостные му... в смысле, идиоты. Не знаю, чему их там в консерватории³ учили и как их туда вообще приняли.

– И что, больше никого?

– Есть еще один, – признался Юра, – только я его в поле не пушу.

– Это почему?

³ Консерватория (*сленг*) – военно-дипломатическая академия ВС РФ.

– Засветился недавно по полной. Его сейчас все КРО⁴ страны пасут.

– Да что ты говоришь! – изумился я. – Жуть какая!

– Нас вообще в последнее время по полной обложили. Как дальше работать?..

– Искренне сочувствую.

Я поправил свисающую с ушей лапшу и притворился, что поверил в сказку дедушки Ганса Христиана. В последний раз наши попали здесь под колпак лет пять назад, когда в территориальных водах Швеции обнаружили российскую подводную лодку. Держали ее под плотным надзором целый месяц даже после того, как выяснилось, что это не наша подводная лодка, а финское грузовое судно класса «река – море».

– Вот такие дела. – Юра, не вставая, дотянулся до холодильника, достал пару банок, одну протянул мне. – Скажи еще спасибо, что помогли с жильем.

Я едва не подавился халявным пивом.

– Благодарствую, – не вставая, я изобразил низкий поясной поклон. – Твоя работа, кстати?

– Нет, а что?

– Ты хоть знаешь, где находится это жилье?

Юра изобразил живейшее внимание.

– В Тенста, б...!

– Да ладно! – Он обалдел, причем, похоже, совершенно искренне. – Ну, Боренька! Ну, сука, делавар!

⁴ КРО – контрразведывательные органы.

– А в отчете небось укажет, что арендовал пентхаус в Диндерюд⁵, – ехидно заметил я. – Ловкость рук и штук сто здешних шекелей в кармане.

– Крон, – машинально поправил он. – Но в целом так оно и есть.

– Итак. – Я отпил пива. – Что мы имеем?

– Полную жопу, – честно ответил Юра. – Обратись еще раз к резиденту, мой тебе добрый совет.

– Еще раз спасибо.

Я допил пиво, смял банку и, подводя итог нашей полезной беседе, снайперски точным броском отправил пустую тару через всю комнату в урну. Промахнулся.

– Видишь ли...

– Увижу, если все объяснишь, – нахмурила брови Бульдожка.

А что тут объяснять? Посольские увлеченно играют в свои игры, и им сильно не до нас. Резидент Павел свет Иванович и раньше-то не слишком напрягался по работе. Швеция – страна тихая, можно сказать сонная. А сейчас, когда до дембеля осталось чуть меньше года, он вообще перестал ловить мух. И ни хрена ничем, кроме собственного мелкого бизнеса, он не занимается, а держится который год на теплом месте только благодаря волосатой лапе. Юра не первый, кто пытается скovyрнуть с начальственного кресла этого «титана

⁵ Диндерюд – самый престижный район Стокгольма.

разведки». Поговаривают, что в этот раз у него может получиться – лапа Павла Ивановича по-прежнему украшает ГРУ, только сильно потеряла в последнее время в волосатости. А Юрин тесть, наоборот, сильно попер вверх, и Юре очень хотелось бы, чтобы я по возвращении в Центр в цветах и красках расписал, как ударно вкалывают здешний резидент и подчиненная ему служба. Может, именно поэтому они меня так красиво обломали во всех вопросах.

Касательно квартирки в том самом нехорошем районе – подозреваю, что снять ее Юра поручил кому-нибудь из любимцев резидента и теперь дожидается, когда тот подаст ему финансовый отчет с суммой прописью, и тогда шандец котенку. А может, просто слупит с него долю. Я усмехнулся.

– Чего ты смеешься? – не унималась Бульдожка.

– Ничего. Это я о своем, о девичьем. Значит, так. – Я нахмурил брови. – Десять дней мы с тобой отработали. Думаю, этого достаточно.

– Уверен?

– Более, чем менее. Пришло время итожить, как говорил незабвенный Михаил Сергеевич. Помнишь Горбачева?

– Смутно.

– Счастливая.

– Добрый вечер!

– Возможно.

– Господин Ло? Это...

– Я узнал вас, друг мой.

Собеседник, дорогой Патрик, не стал называть меня по имени. Потому что, видимо, он абсолютно не имел понятия, как в данный момент меня называть. Вот что значит опыт!

В дверь тихонько постучались, и на пороге объявилась Бульдожка. Она явно что-то хотела сообщить мне, но не успела. Я сделал страшное лицо, и девушка исчезла. Я продолжил разговор:

– Скажите, ваша фирма до сих пор занимается клинингом?

– Совершенно верно.

– Тогда у меня есть для вас работа.

– Где?

– В Стокгольме. Это возможно?

– Вне всякого сомнения. Сколько комнат подлежат уборке и каковы сроки?

– Нужно прибраться в эту пятницу. Комната одна. Но, – я сделал крохотную паузу, – помещение нуждается в *особо тщательной* уборке. Чтобы ни пылинки никто не смог обнаружить.

– Ну разумеется, дружище! – заверил меня старый оптимист и жизнелюб. – Иначе и не работаем!

– Сколько это будет стоить?

– Для вас со скидкой...

Он назвал сумму. А мне страшно стало представить, во что бы обошлась его работа, не будь мы близкими друзьями.

– Договорились.

– Отлично. В пятницу мои люди будут там. С вами свяжутся по этому номеру.

– Хотелось бы, чтобы вы лично руководили работой.

– И это возможно, – обрадовал меня Патрик. – Только будет на двадцать процентов дороже.

– Хорошо, – вздохнул я. – До встречи.

– С нетерпением ее ожидаю.

Разговор закончился, и я принялся размышлять о том, что так и останусь нищим до самого бушлата, потому что выбрал не ту профессию.

Глава 3

– Чтобы понять, как работать с клиентом, прежде всего надо разобраться, что он, черт подери, из себя представляет.

– Лох, – сделала весомый вывод Бульдожка.

– Не обязательно. Просто обычный человек, совершенно незнакомый с правилами конспирации, хоть и отработал немало лет в спецслужбах. Такое случается. Живет себе беззаботно, певчей птичке подобно.

– А что бы делал ты на его месте?

– Я или любой другой оперативник постарался бы затеряться.

– Где?

– Лучше всего среди людей. Это, кстати, не так уж и слож-

но. Укатил бы, к примеру, в Испанию, поселился бы поближе к морю, подальше от модных курортов. Сейчас там – не поверишь! – полно бездельников со всей Европы, согласных существовать в спартанских условиях, лишь бы загорать, купаться и больше ни хрена не делать.

Бульдожка мечтательно улыбнулась.

– Пожалуй, поверю.

– Ходил бы себе в драных джинсах и застиранной футболке, зарос бы как дикобраз. Тратил бы на жилье и питание не больше тридцати евро в неделю, пока...

– Пока что?

– Пока не скопил бы достаточно денег.

– И что потом? – Бульдожка уселась с ногами в кресло.

– А потом бы исчез. Поменял бы документы и обязательно мордашку. Переехал бы куда подальше или, напротив, совсем недалеко и продолжил жить скромно, ничем не выделяясь.

– Скучно. – Она с трудом сдержала зевок.

– Зато не стал бы облегчать работу тем, кто примется меня разыскивать.

– Таким, как мы?

– А также заказчикам этих талантливых сценариев. Авторов время от времени полагается менять.

– Мило. Ничего личного, как говорится. А наш клиент меж тем...

– Ведет себя с точностью до наоборот. Поселился в самом

дорогом районе Стокгольма – не самого большого города, кстати, – и напоказ ведет жизнь зажиточного бездельника.

– Почему зажиточного?

– Потому что только богатые селятся на Лазурном Берегу или в других подобных местах. Кстати, как бы ты охарактеризовала его поведение?

– Понты, – мгновенно отозвалась Бульдожка.

– Истину глаголешь, дочь моя, – признал я.

Именно понты. Одна охрана чего стоит. Наш клиент разъезжает по городу в арендованном «Мерседесе» с водителем и охранником в одном лице. По понедельникам и средам тело возит и охраняет пятидесятилетний обрюзгший мужик, по виду отставной полицейский. По вторникам и четвергам – складный сухощавый парень лет двадцати пяти. Вечером по пятницам они работают вместе и вместе же отдыхают по выходным. Я поначалу даже грешным делом думал, что не все так просто и где-то на заднем плане работают умелые и хваткие ребята, готовые разобраться с теми, кто проявит повышенный интерес к милашке Тобиасу. Но потом присмотрелся как следует и понял, что дело обстоит именно так, как выглядит. Почему, спросите, он тогда вообще держит охрану? Видимо, потому, что может себе это позволить. На хрена? А для того, чтобы напустить побольше тумана вокруг собственной персоны и взять тем самым реванш у прежней тусклой бюджетной жизни. Ну и на здоровье, пусть себе тешится. Пока.

– Ближе к телу, дорогой. Как и где ты запланировал нашу «случайную» встречу?

– Все будет предельно романтично, – заверил ее я и глянул на часы. – Вернемся к этому вопросу после ужина. Что у нас в холодильнике? Ты, надеюсь, не против небольшого перерыва?

Напарница оказалась категорически против. Решительно, с нотками стали в голосе заявила, что по горло сыта разогретыми в микроволновке полуфабрикатами и потребовала мяса – жареного, с кровью и побольше. При своих достаточно скромных габаритах Бульдожка, надо отметить, отличалась отменным аппетитом. После недолгого сопротивления я сдался. Сам, если честно, соскучился по нормальной вкусной еде.

Ох и напрасно я это сделал...

Чудное мясо подавали тем вечером в «Grill». Насытившись до состояния проглотивших стадо коров удавов, мы попивали красное вино и лениво, вполголоса делились мнениями, хватит ли сил еще и на десерт или уже нет.

Я мельком глянул в висящее на стене зеркало, допил вино и, ласково приобняв девушку за плечи, нежно поцеловал ее в щеку. Бульдожка приятно порозовела.

– Давно бы так. А то я боялась, что никогда не решишься, – и она прижалась ко мне упругой грудью.

За первые полтора года учебы она, как и многие другие, прошла путь от гадкого утенка до прекрасного лебедя и, вне-

запно ощутив власть над мужиками, принялась напропалую кокетничать буквально со всеми подряд. Только двоим удалось избежать ее чар: гипсовой облупившейся статуе вождя мирового пролетариата у входа в учебный корпус и директору учебного заведения, не покидавшему госпиталей по причине изношенного на царевой службе здоровья. Не знаю, дошло ли у кого-нибудь с ней дело до постели – свечку не держал, да и нравы там были достаточно суровые, – но мужики бегали за ней табунами, даже до драк дело пару раз дошло. Так что мой романтический порыв девушку совершенно не удивил. Мне лично авансы она раздавала регулярно.

Свободной рукой я нежно погладил ее по личику и тихонько прошептал на ушко:

– Глянь в просвет между пальцами. Видишь двоих у входа?

– Что? О чем ты?

Я крепче прижал ее к себе.

– Это совсем не те люди, с кем стоит встречаться. Вечер теперь точно закончится томно.

– Да кто это?

– Бородач с пузом, который слева, – албанец. Зовут Лека. – Я лизнул ее в ушко. – Второго не знаю.

– Здоровый, черт...

– Приготовились.

Я нехотя разжал объятия и взял бокал. Выпить, однако, не удалось. В этот момент я сделал вид, будто только увидел

тех двоих. Рука дрогнула, на белой скатерти появилось пятно. Как будто снег окропили кровушкой. Лека поймал мой печальный взгляд, ласково улыбнулся и повел головой в сторону двери, дескать, кончай банкет и двигай на выход. Я вытер лицо салфеткой и кивнул. Здоровяк тут же вышел наружу, Лека остался в дверях. Бульдожка осторожно погладила меня по голове.

– Какие проблемы, дорогой? Их же только двое.

Меня начала бить крупная дрожь.

– Потом все объясню.

Я поднял руку, подзывая официанта.

– Кофе с десертом подам через пять минут! – радостно сообщил тот.

– Ничего не надо, будьте добры счет.

– Как скажете.

Бульдожка обняла меня за шею.

– Что они хотят с нами сделать?

Я снова принялся вытирать салфеткой рот, а следом и лицо.

– Из меня вытрясут все деньги, потом грохнут.

– А меня?

– Тоже грохнут, но потом.

– Перспектива – загляденье, – улыбнувшись, проговорила она. – А ты не можешь перестать трястись? А то, честное слово, смотреть противно.

– Рад бы, но иначе никак.

Недовольный официант принес счет. Я расплатился.

– Пора.

– Да, конечно. – Она взяла сумочку и встала.

– Будешь обходить столик – постарайся замереть ненадолго, будто надумала что-то сказать. Заслони меня от Леки.

– Поняла. Мне тоже начинать бояться?

– Скорее расстраиваться – вечер-то испорчен.

На улице нас ожидали. Всего двое, слава богу.

– Роджер, дружище, как же я рад тебя видеть! – Албанец обнял меня так сильно, что хрустнули косточки. – Познакомь меня со своей прекрасной спутницей...

– Труди, это Лека. Лека, это Труди, – почти пропищал я. – Может...

– Ни слова больше, дружище! Сейчас поедem, отметим нашу встречу.

– Но...

– Я настаиваю.

Он кивнул здоровяку, и тот распахнул дверцу здоровенного праворульного внедорожника.

– Что делать, – голосом умирающего проговорил я. – Поехали!.. Но все-таки...

– Все разговоры потом.

Лека сел за руль. Мы с Бульдожкой устроились на заднем сиденье. Здоровяк, которого нам не представили, расположился между нами. Я оказался справа от него, она слева.

– Какой все-таки прекрасный вечер! – Лека радостно рас-

хохотался.

Щелкнул блокатор дверей, негромко заурчал мотор. Мы стартанули навстречу неизвестности.

Глава 4

Внедорожник чинно прокатил мимо уличного кафе. Всего в нескольких шагах от нас сидели за столиком беззаботные счастливые люди, выпивали, смеялись, радовались жизни. И невдомек им было, что рядом с ними в компании злодеев едут навстречу собственной кончине двое приличных, ни в чем не повинных людей.

Машина свернула в переулок. Скоро будет мост. Я догадался, куда нас везут. Тот еще, блин, райончик.

Бульдожка всхлипнула. Терпи, девочка, терпи, работа у нас такая!

Мы миновали мост и поехали вдоль парка. Я наклонился к водителю:

– Послушай, Лека, отпусти девчонку, она не при делах. Мы только сегодня познакомились.

– Заткнись, – прозвучало в ответ.

Здоровяк въехал мне чугунным локтем в грудь. Я вжался спиной в сиденье, крикнул от боли, закашлялся и заткнулся.

– Пожалуйста! – раздался жалобный голосок Бульдожки. – Позвольте мне выйти! Я никому ничего не скажу, честное слово!

– Ну конечно, – рассмеялся Лека и прибавил газу.

– Я сделаю все, что вы захотите!

– Обязательно сделаешь, – подал голос здоровяк. – Еще как.

– Я могу прямо сейчас, – не успокаивалась она.

– Сиди смирно!

– Вы такой большой и сильный...

– Отстань, тебе сказано!

Он повернулся к ней и на какое-то время упустил меня из виду. Это было очень вовремя, надо сказать. Я достал из бокового кармана пиджака горстку красного молотого перца и буквально втер его в правый глаз здоровяка. Сладкой музыкой прозвучал в ушах переходящий в рев крик. Я вlepил ему кулаком в кадык, проорал по-русски: «Кончай с ним!» – и повернулся к водителю.

Лека всегда был толковым парнем, он и тут быстро сообразил. Даже не стал задумываться, как сидящий сзади трус и тюфяк вдруг превратился в бойца. Он резко затормозил, разблокировал двери и отстегнул ремень безопасности. Провернул все это за считанные секунды. В смысле, почти провернул – только он дотянулся до ручки дверцы, как я врезал ему в висок. Удар пришелся вскользь, поэтому Лека не вырубился, а просто замер. После второго удара он потерял сознание.

– Как дела?

– Готов, – на удивление спокойно отозвалась Бульдожка.

Я выскочил из машины. С трудом (тяжелый, черт!) перетащил Леку на левое сиденье и окончательно закрыл спор хозяйствующих субъектов – сломал ему шею. Затем я запрыгнул на место водителя, и мы поехали дальше.

– Куда мы едем? – прозвучал вопрос с заднего сиденья.

– К трамвайной остановке. Тут недалеко.

– А, понятно... Слушай, а чем это воняет?

– Когда тело человека покидает душа, следом выходит содержимое мочевого пузыря и прямой кишки. Неужто не знаешь? – пояснил я голосом лектора из общества «Знание».

– Только в теории.

– Вот тебе теперь практика. – Я принялся искать, где бы припарковаться. – Кстати, ты молодец. Чем это ты его?

– Вогнала в ухо заколку.

Я остановил машину, сполоснул руки водой из бутылки, достал из перчаточного ящика тряпку и протер все, к чему прикасался. Потом открыл заднюю левую дверцу и выпустил Бульдожку.

– Заколку не забыла?

– Вот она.

Она протерла той же тряпкой орудие убийства и уложила его в карман ветровки. Я по-отечески приобнял ее за плечи.

– Пошли.

– С тобой – хоть на край света.

– Опять молодец, только прекрати уже говорить по-русски.

– Как скажешь, командир... А все-таки лучше питаться дома!

Точно. И еще надо почаще обращаться к пластическим хирургам. А то в последнее время появилось много желающих тесно со мной пообщаться. И покойный Лека не самый опасный из них.

Глава 5

Мы устроились в хвосте пустого салона трамвая. Я по-прежнему обнимал ее за плечи, Бульдожка смотрела в окно.

– Как ты?

– Пока держусь... Поговори со мной.

– С удовольствием. О чем?

– Кто это был?

– А, – я махнул рукой. – Уже никто.

– Ты так изобразил испуг, что я даже поверила. Так противно стало.

– Стараюсь, – скромно ответил я. – Турнут с работы – устроюсь в большие и малые академические театры.

– На роль «кушать подано»? – с натугой рассмеялась она.

– Умница. – Я погладил ее по голове. – Ты же прекрасно понимаешь, что мы могли грохнуть этих уродов прямо на улице.

– Только тогда пришлось бы рвать когти из страны. Я все понимаю.

В нашей работе ни в коем случае нельзя выходить из образа. В единственном сорванном мною задании я именно так и сделал⁶. В результате пришлось в спешке делать ноги на Родину, где меня ожидала полная корзина пряников и плюшек от руководства. И никому не было дела до того, что если бы я остался тем, кем притворялся, то, вероятнее всего, стал бы трупом.

С Лекой мы пересеклись два с лишним года назад в Будапеште. Агент МІБ проводил в этом милом городе операцию по продаже оружия жгучим брюнетам из одной исламистской организации. Лека состоял при нем, а я притворялся посредником. Запомнился всем как типичный европейский прохиндей, который привык решать все конфликты в суде и звать полицию при возникновении угрозы получить по сусалау. Лека с двумя подручными, боснийцем Тахиром и македонцем Дежаном, тогда двое суток продержали меня в номере именуемого отелем клоповника. Особо не били, по большей части запугивали. Лихие балканские хлопцы хотели кинуть покупателей и остро нуждались в моей помощи. Ее я им, размазывая по личику слезы и сопли, клятвенно пообещал. В итоге все разрешилось вполне благополучно. Меня схватили какие-то люди в масках прямо посреди сделки, англичанина, Тахира и Дежана грохнули, а Лека смылся. Толковый был парень, ничего не скажешь.

Мы вышли из трамвая, перешли через дорогу и быстро

⁶ Этот случай описан в романе «Профи».

двинулись к дому. Успели.

Бульдожку затрясло, едва я запер дверь. Она плюхнулась в кресло в прихожей и забилась в истерике. Я дал ей время прорыдаться, потом сорвал с нее одежду, затащил в ванную и врубил душ. Сначала горячий, потом холодный и снова горячий. И так несколько раз.

– Полегчало?

– Вроде да... – прозвучало в ответ. – Хотя...

– Без всяких «хотя». Сейчас чуток накатим, и окончательно придешь в себя.

Накатили, посидели, помолчали. Опять накатили. Бульдожке действительно полегчало.

– А скажи, – она опять перешла на язык родных осин. – Каково тебе было в первый раз?

– Намного хуже, чем тебе, – честно признался я.

В первый раз я грохнул сразу двоих, а может, и больше⁷. Дело было в Афгане. Было мне тогда аж восемнадцать лет, и прослужил я чуть меньше трех месяцев. В Советской армии в мирное время таких, как я, презрительно называли духами и не поручали ничего серьезнее чистки сортиров.

– А теперь спать. – Я проводил Бульдожку в ее комнату, уложил в кроватку и заботливо укрыл одеялом. – Спи.

– Мухтар постарается, – прошептала она и повернулась на правый бок.

Вот и славно. Я еще чуток накатил в гордом одиночестве

⁷ Об этом также рассказывается в романе «Профи».

и тоже направился баиньки.

Но не успел закрыть глаза, как дверь распахнулась и в комнату влетела Бульдожка.

– Не спится?

– Какое-то странное чувство, – призналась она.

– Значит, надо еще чуток выпить.

– Какое, к черту, выпить! – и набросилась на меня, как продотряд на деревню.

Я ошалел, признаться.

– Ты...

– Заткнись! – прорычала Бульдожка, срывая с себя то небольшое, что на ней было надето.

Я и заткнулся. А что было делать? Не вопить же: «Помогите! Спасите!» Да и кто бы мне помог?

Часть вторая

Глава 6

Несколько лет назад в личном деле Кондратьева, тогда еще капитана, появилась пометка о наличии аквафобии, то есть панической боязни воды. Сие означает, что я категорически против погружения в нее собственного тела. Даже душ стараюсь принимать непременно в спасательном жилете и под наблюдением как минимум двоих спасателей, а лучше спасательниц. И обязательно из Малибу.

На деле же с водой у меня сложились достаточно неплохие отношения. Некогда даже вполне хорошие. До определенного возраста я вполне успешно тренировался в бассейне ЦСКА под руководством известного тренера Лисицина в достаточно продвинутой группе, из которой многие ребята и девчонки уходили прямиком в сборную. Я тоже ушел. Точнее, меня попросили. С вещами на выход, после того, как сочли бесперспективным.

Запись в личном деле была сделана исключительно в интересах моей безопасности, чтобы никто не смог связать меня с одной проведенной в Крыму операцией⁸. Но не помогло – узнали правду те, кому не следовало, и из-за этого у меня

⁸ Эта операция упоминается в романе «Профи».

случились серьезные неприятности. Бывшему напарнику отдельное спасибо. Сдал, сука такая, как пионер макулатуру.

Гребок руками, толчок ногами, вдох, выдох. Я плыл по дорожке длинного (пятьдесят метров) бассейна не самым плохим, скромно надеюсь, брассом, уверенно обгоняя бодрых старушек на дорожке слева и стараясь не обращать внимания на то, как мелькают мимо меня, подобно торпедам или дельфинам, ребята и девчонки на дорожке справа. Интересная, доложу я вам, страна Швеция! Здесь профессиональные пловцы, даже члены сборной, тренируются в обычных городских бассейнах, иногда даже на одной дорожке с откровенными «чайниками», полагающими, что ежели они заплатили за вход, то имеют право плавать – в смысле, бултыхаться – где угодно и как угодно. Не могу понять, как они при этом умудряются брать медали на разных чемпионатах и даже Олимпийских играх.

В ушах стоял привычный с детства гул, пахло хлоркой. Здесь ее тоже добавляют в воду, хотя не так щедро, как у нас, по причине чего глаза у детей постоянно красные, как у кроликов или вампиров.

Я проплыл очередные пятьдесят метров и, притворившись уставшим, повис на разделяющем дорожки тросике с поплавками. Глянул на часы – пора. Самое время появиться клиенту. С противоположной стороны бассейна за мной внимательно наблюдала Бульдожка.

А вот и он, красавчик. Я вылез из воды и присел на ска-

мейку у стенки. Бульдожка тут же поплыла к лестнице, вылезла из воды, сняла очки и шапочку. И не торопясь, плавной походкой, двинулась ему навстречу.

Смотрелась она, прямо сказать, весьма и весьма: милая мордашка, светлые волосы до плеч, выгодно подчеркивающий достоинства фигуры закрытый купальник цвета бирюзы, совершенно не скрывающий недостатков по причине полнейшего их отсутствия.

«Не торопись!» – мысленно скомандовал я. Она замедлила шаг, пропуская вперед двух теток – под два метра ростом одну и килограммов под сто весом вторую и суммарным возрастом лет под восемьдесят.

И вот она, первая встреча. Бульдожка плавным шагом прошла мимо клиента, наградив его безразлично-вежливой, ни к чему не обязывающей улыбкой. Здесь все всегда так улыбаются. Потом она остановилась, обернулась, посмотрела и улыбнулась еще раз глядящему ей вслед Тобиасу – на сей раз совершенно иначе – и тут же скрылась в раздевалке.

– Ну, что скажешь?

Я потер руки, как перед рюмкой водки с мороза.

– Процесс пошел.

– Точно?

– Точнее не бывает. Клиент клюнул.

Недаром вчера она перемерила множество купальников, пока не остановилась на том самом. И не напрасно я битый

час ставил ей ту самую походку («Шаг от бедра». «Не верти задницей, ты порядочная девушка». «Не выворачивай ступни». «Разверни плечи, грудь вперед... Да не так!»). Ключнул, голубчик, никуда не делся.

– Что дальше? – спросила она.

– Дальше вы еще раз «случайно» встретитесь.

Для того чтобы «совершенно случайно» встретиться с человеком в большом городе, требуется знать, где и когда он наверняка появится. В случае с Тобиасом таких мест, к счастью, было не так много.

– Давай на корте, – предложила Бульдожка. – Я, кстати, неплохо играю.

Я отрицательно покачал головой.

– Знаю. Видел, не подойдет.

– Почему? – удивилась она. – Не понимаю...

– Все просто. Ты вполне прилично играешь, а клиент только учится стучать по стенке.

– И?..

– Не стоит ущемлять его самолюбие.

Я не стал говорить девушке, что при ее росте и телосложении она смотрится со стандартной ракеткой отнюдь не сексуально, а приблизительно так же, как герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов со стандартным палашием кавалергарда. Говорят, в начале службы он каким-то образом угодил в тяжелую кавалерию, пробыл в кавалергардах недолго и быстренько покинул их ряды, не выдержав насме-

шек рослых, как на подбор, красавцев сослуживцев по поводу своего невысокого роста. А в гусарах он, наоборот, прижился, да еще как!

– Тогда где же мы встретимся? – не унималась она.

– Где, где... Где надо! Скажи-ка мне, подруга, умеешь ли ты управляться с приборами?

– С какими приборами?

– С ложкой, вилкой и ножом.

– Обижаешь, начальник.

– Прекрасно. Тогда слушай и запоминай...

– Добрый вечер, друг мой, – прозвучал в трубке голос господина Ло, который для меня просто Патрик.

– Добрый. Наша договоренность в силе?

– Вне всякого сомнения. Буду на месте вечером в четверг.

– Замечательно. Позвоните, как прибудете.

– Обязательно.

Глава 7

– Знаешь, а я до самого последнего момента не верила, что все получится, – призналась Бульдожка.

– Еще ничего не получилось, – вернул я ее с небес на грешную землю. – Самое главное только начинается. Но пока все идет по плану.

По этому плану она сегодня вечером должна отправить-

ся на романтический ужин с клиентом и после этого ужина принять его предложение ненадолго – в смысле, до утра – заехать к нему в гости. Порядочных женщин наш сочинитель имеет обыкновение после ужина приглашать к себе домой. Женщин, оказывающих услуги за деньги, он водит в отель и ужином не кормит.

То, что клиент серьезно запал на Бульдожку, я понял еще позавчера, когда он, придя на обед в «Oaxen Shipp», вдруг натолкнулся взглядом на «ту самую красотку из бассейна». На его простом и честном лице отразились поочередно удивление, радость, а потом смущение. В прошлой его жизни этим бы все и закончилось: сидел бы себе поодаль, тупо что-то жевал и молча пускал бы слюни. Но слава богу, нынче совсем не то, что прежде. Подошел, заговорил, присел рядом. Откуда, вы спросите, я все это знаю? Я сам там был – устроился через три столика от девушки-красавицы. Все прекрасно видел и слышал и даже кое-что подсказывал.

В общем, отобедали. Креветки, палтус, белое вино. А еще лимонад (он там просто прекрасный!), парфе, пралине и карамельное мороженое.

Восторг клиента от девушки с каждой минутой усиливался. Еще бы: молодая, хороша собой, в точности его тип. К тому же немка – можно не напрягаться, строя фразы на школьном английском. Ко всему прочему красавица кое-чего добилась в жизни: окончила бизнес-школу в Монтрё и трудится финансовым аналитиком в мюнхенском банке «у папы».

А тот, ежу понятно, в этом банке точно не швейцаром поддается.

Разговор плавно перетек в сферу искусства. Наш Тобиас обнаружил, что его новая знакомая далеко не профан в области живописи. Она в восторге от ван Вейдена и Боттичелли, имеет собственное мнение касательно творчества Эль Греко и, что приятно, не путает Питера Брейгеля с Яном, тоже Брейгелем.

О себе распушивший хвост клиент говорил мало. В основном пускал туман и тонко намекал – скромный, дескать, государственный служащий, в Стокгольме в длительной командировке.

Официант принес счет.

– Плати сама, – негромко скомандовал я.

Девушка машинально поправила локон, скрывающий ухо и крохотный приборчик в нем, и полезла в сумочку за бумажником. И правильно сделала, потому что романтик Тобиас уже приготовился оплачивать исключительно собственный счет. Это Европа, ребята! Ни один здешний мужчинка не будет платить за даму, которую не приглашал. Это русский мужик и счет случайной знакомой оплатит, и официанту на чай не пожалеет. Просто не сможет иначе, даже зная, что потом целую неделю придется питаться исключительно «Дошираками».

Из ресторана они вышли вместе.

– Ну что, завтра в одиннадцать в бассейне? – спросил кли-

ент.

– Почему нет, – улыбнулась девушка.

Водитель, он же охранник, меж тем вылез из автомобиля, открыл заднюю правую дверцу и замер. Для чего, подозреваю, и был нанят.

– Хорошая машина, – заметила Бульдожка. – В меру скромная, но породистая. У папы точно такая же.

– Вас подвезти? – учтиво спросил кавалер.

– Не стоит, хочу немного пройтись. – Девушка улыбнулась и покачала головой. – Значит, «скромный государственный служащий»? Ну-ну...

У клиента даже задница, подозреваю, покраснела от удовольствия.

Они, конечно же, встретились на следующий день. Поплавали в бассейне, а вечером посетили национальный музей. Тобиас рассказал девушке кое-что интересное о творчестве Гогена, та в ответ поведала ему нечто пикантное из биографии Гойи.

Меж тем она начинала потихоньку нервничать. Время шло, а клиент молотил всякое и разное, совершенно ее не интересующее. В гробу она видала в тот момент все высокое искусство, вместе взятое. А он все восхищался, гад такой, коллекцией русских икон и ни гу-гу о главном. В смысле, о пятничном вечере.

Но наконец-таки он произнес главные слова – в баре, куда они заглянули после музея выпить по чашечке кофе.

– Какую кухню предпочитает милая фройляйн?

– Хм-м-м... – задумалась Бульдожка. – Даже не знаю...

Средиземноморскую, может быть. Или греческую... Да, пожалуй, греческую.

– Бывали в Греции? – поинтересовался Тобиас.

– У нашей семьи есть домик на Родосе.

– В Грецию, боюсь, в этот раз съездить не получится, – притворно огорчился кавалер. – А как начет «Maestro»?

– Что это?

– Неплохой ресторанчик, – небрежно бросил Тобиас. – Кстати, там хорошая кухня, греческая в том числе.

– Ну, не знаю... – Бульдожка с трудом сдерживала вздох облегчения.

– Средиземноморская кухня там тоже на высоте, – продолжал змей-искуситель.

– Ладно, уговорили.

– Прекрасно. Куда заехать за вами часов, скажем, в восемь?

– У меня на завтра намечены кое-какие дела. Часов в семь я вам сама позвоню.

На том и расстались. Ликующий клиент укатил на авто, а девушка отправилась пешком напрямиком ко мне.

Глава 8

– Я действительно боялась, что этот козел соскочит, – при-

зналась Бульдожка.

– С тебя? – удивился я. – Покажи мне такого идиота.

– Глянь в зеркало. Вторую ночь я оставляю дверь в спальню открытой. И что?

– Не время, дорогая, – сурово молвил я. – И не место. Родина в опасности. А насчет «соскочит» – помнишь, с кем клиент ужинал в позапрошлую пятницу?

– С какой-то туристкой из Чехии.

– А в прошлую пятницу отужинал в гордом одиночестве, после чего тупо снял профессионалку в баре.

– И что?

– Что у них, по-твоему, общего?

– Ну... – Она поправила прическу. – Обе невысокие, светловолосые...

– Фигуристые, – добавил я.

Она кивнула.

– Ага, есть за что подержаться.

– И обе немного напоминают тебя. Напоминали бы, – я поправился, – если бы были лет на семь-восемь помоложе и на пару порядков покрасивее.

– Лстец, – рассмеялась Бульдожка. – И что?

– А то, что ты настоящая жемчужина в коллекции завоеванных им женщин. Поэтому сегодня тебя ожидают романтический – ненавижу это слово – ужин с танцами и разговорами, потом прогулка по парку (он всех приличных дам выгуливает после ужина) и, наконец, поездка в гости.

– Подкладываешь невинную девушку под клиента? – скорбно спросила Бульдожка. – Совесть не мучает? – И тут же расхохоталась: – Ладно, дорогой, не волнуйся. Обнимая его, я закрою глаза и представлю, что это ты.

Я слегка нахмурил брови, давая понять, что разговор пошел серьезный.

– Особо там обнимашками не увлекайся. Вот. – Я положил перед ней на стол заколку, очень похожую на ее собственную, только чуть крупнее. – Как войдешь в квартиру, сразу распустишь волосы. Клиент пустит слюни – он уже который день на тебя облизывается, – ты обнимешь его за шею и кольнешь.

Девушка пододвинула к себе заколку.

– Осторожно!

Она отдернула руку.

– А если, не дай бог, сразу насмерть?..

– Всего-навсего отключится минут на десять. Мне клиент нужен живым на первое время.

– Вопросы накопились? – догадалась Бульдожка.

– Точно... Значит, отключаешь его и сразу сообщаем мне. Потом...

– Спускаю в окошко капроновую нить, ты привязываешь к ней тросик. Поднимаю, закрепляю, ты поднимаешься ко мне. Как романтично.

– Молодец, все правильно. Далее я по-быстрому общаюсь с клиентом и закрываю вопрос. Пакую его и спускаю вниз.

Там его будут ждать.

– Что потом?

– Гримируюсь, притворяюсь нашим сочинителем. Мы выходим под ручку из дома, садимся в машину. Той же ночью разъезжаемся, ты – паромом в Хельсинки, я – в другую сторону.

– Обязательно паромом?

– Лучше всего. Не надо предъявлять документы для покупки билета.

– А вместе поехать нельзя?

– Никак.

– Жалко.

– Мне тоже, – почти искренне признался я. – Так, через час звони клиенту, назначай встречу в «Hotel Rival».

– Что я там делаю?

– Встречаешься с папиным деловым партнером. Будешь ждать клиента в лобби отеля.

– В шикарном вечернем платье, которое ты купил...

– Отставить – будешь в элегантном брючном костюме. На всякий пожарный.

– Уговорил. Это все?

– Все.

– Так просто?

– Именно. Большинство удачных операций проходит просто: пришел, сделал дело и сделал ноги, пока тебя не запомнили в лицо. – Я достал из сумки сверток, натянул перчатки,

развернул его. – А сложно пусть будет в кино и в книжках про суперагентов.

– Что это? – удивилась свертку Бульдожка.

– «Двадцать шестой» «Глок». Не узнала?

– Зачем?

– На случай, если что-нибудь пойдет не так, как планируется. Такое случается.

Часть третья

Глава 9

Бульдожка с ужасом уставилась на меня.

– Ты... ты чего? Не надо!

Кажется, меня неправильно поняли.

Как же хорошо начинался тот вечер! И как мило проходил. Изысканная еда, вино, пара медленных танцев под живую музыку, долгие взгляды глаза в глаза, проникающие в самую душу, негромкий душевный разговор и растущая, как на дрожжах, взаимная симпатия.

Я там, кстати, тоже был, но на некотором расстоянии. Чисто символически выпивал, умеренно закусывал. И хотя все происходившее было спектаклем, он был сыгран Бульдожкой настолько убедительно (моя школа), что ей верилось. Даже было слегка грустно, что не я сижу в приятной компании и таю от любви, а, как всегда, притворяюсь тем, кем никогда не был, и шпионю. Такая, блин, судьба, что поделаешь.

Приятный вечер продолжила романтическая прогулка по парку целой компанией. Один охранник впереди, воркующая влюбленная парочка следом и второй охранник, постарше и потолще, в арьергарде. И кое-кто пятый – я не стал ждать в машине окончания оздоровительно-романтического

моциона и увязался следом, брел на некотором расстоянии среди деревьев и кустов, как шпиён из дурацкого кино. Тихонько, так, чтобы не только увлеченные друг дружкой эти двое, но и охрана меня не слышали. Я умею передвигаться бесшумно в любой ситуации, поверьте. Еще в ранней молодости добрые люди научили на давно забытой войне.

Все шло прекрасно, как по маслу. Оливковому, естественно, – основе греческой кухни. А потом вдруг вся эта романтика взяла да и накрылась чем-то очень неприличным. Как только компания вышла на освещенный пятачок у лодочной станции и двинулась в сторону моста, из кустов появились четверо и с ходу открыли огонь. Причем только по Бульдожке и шедшему впереди охраннику, что интересно.

Несколько хлопков – стреляли из пистолетов с глушителями, – и рванувшуюся было в сторону девушку развернуло влево, а потом она упала. Тобиас замер и так и остался стоять столбом до самого конца эпизода.

Толстый охранник рылся за пазухой в поисках пистолета и никак не мог его отыскать. А вот его напарник оказался на удивление резким парнем. Он ушел перекатом с линии огня, и тут же загревели его выстрелы. За какие-то несколько секунд ему удалось сократить число нападавших аж на полторы единицы. Один из злодеев упал и остался лежать неподвижно, второй опустился на колени, но из общего веселья выпадать не спешил.

И тут свое веское слово наконец-то сказал толстяк: он на-

шел все-таки свою пушку, хорошенько прицелился и... прострелил голову собственному напарнику. После чего бросил «ствол» на землю и поднял руки, без лишних слов давая понять, что свою часть работы выполнил и готов к получению заслуженного гонорара. И немедленно его получил в виде нескольких пуль в грудь.

Я все это долго рассказываю, но на деле все произошедшее уложилось в несколько коротких секунд, за которые я успел нацепить перчатки, присоединить глушитель к своему «Глоку» и активно включиться в общее действие.

Еще на войне я выучился более-менее прилично стрелять из всего, что стреляет. Тогда казалось, что научился скорее более, чем менее. Но когда попал в контору, выяснилось, что вовсе наоборот. Инструктор по огневой подготовке из учебного подразделения, куда я угодил (крайне неприятный мужик, но тот еще умелец), очень скоро дал мне понять, кто я есть на самом деле – обычный любитель, не более того. Он же научил меня работать по нескольким целям одновременно быстро и эффективно и тратить не более двух пуль на каждую.

Двое оставшихся на ногах получили от меня те самые две пули и упали. А тот самый раненый, которого я на некоторое время упустил из внимания, не преминул последовать их примеру до того, как очередь дошла до него. Стоя на колене, он открыл по мне огонь. Не слишком удачно, но вскользь по бедру угодил.

Я подобрал пистолет одного из убитых злодеев и рванул туда, где валялась девушка и стоял, как памятник самому себе, Тобиас.

– Что происходит? – удивленно проговорил он.

Так получилось, что это были его последние слова. Я во-
гнал ему две пули в грудь и еще одну в голову, когда он уже
упал, контрольную. Лишнюю, скажете? Ан нет, потом объ-
ясню.

Бульдожка, слава богу, была жива и в сознании, лежала
на спине и расширенными до невероятных размеров глазами
смотрела на меня. Не знаю, но могу догадаться, что она к
этому моменту себе напридумывала.

– Ты... ты чего? – И закричала: – Не надо!

В ответ само собой напрашивалось: «Это не то, о чем ты
подумала». Дежурная фраза застигнутого супругой супруга
в постели с другой. Я с трудом сдержался и спросил вместо
этого:

– Встать сможешь?

– Попробую, – прозвучал тихий ответ.

Я в темпе рванул на поле боя. Предстояло сделать так, что-
бы никто из участников перестрелки не остался в живых, и
кое-что еще, чтобы у приехавшей на вызов полиции сразу
же появилась наиболее правдоподобная версия произошед-
шего.

Я на секунду остановился у валявшегося под фонарем му-
жика, который успел в меня пальнуть. Пригляделся, удив-

ленно присвистнул и покачал головой – ну и встреча, однако!

Бульдожка стояла, обхватив руками деревце. Идти самостоятельно она не могла. Пришлось схватить девушку в охапку и рвануть, как изюбрь, напрямик через кусты туда, где я оставил машину.

Я достал из перчаточного ящика телефон, набрал номер и заголосил как потерпевший:

– Алло, полиция? Тут такое творится! Такое творится! Стреляли! Убили много людей!

– Где творится? – прозвучал в трубке усталый казенный голос.

– Как это где? В парке!

– В каком? – терпеливо поинтересовался служивый.

Я объяснил, в каком.

– Где конкретно?

– У лодочной станции, – пояснил я и выбросил телефон в окошко.

Я заехал в переулок, остановил машину и достал аптечку. Перевязал Бульдожку как смог. Девушка пришла в сознание, открыла глаза.

– Что скажешь? – тихо спросила она.

– Ерунда, – бодро ответил я. – Жить будешь.

Будет, если в ближайшее время получится найти неразговорчивого врача. Одна из пуль угодила ей в плечо и прошла навывлет, а вторая, судя по всему, застряла в бедре. А еще она разбила голову, когда упала.

Я схватился за другой телефон.

– Патрик?

– Слушаю вас, друг мой.

– Скажите, как оплачивается ложный вызов?

– В размере семидесяти пяти процентов от договорной суммы.

– Согласен, – вздохнул я. – А скажите, у вас в команде случайно нет хирурга?

– А как же, – прозвучало в ответ.

Я понял, что еще не все потеряно.

– Хороший хирург? – уточнил я.

– Как-то неудобно хвалить самого себя, – признался сердечный друг Патрик. – Некоторый опыт я имею.

– Отлично! – обрадовался я. – Жду вас по адресу... Когда сможете приехать?

– Минут через двадцать.

– Жду.

Бульдожка тихо застонала.

– Все будет хорошо, – с гораздо большей уверенностью заявил я. – Сейчас тебя подлатают, и мы поедем домой.

– Вместе?

– Вместе. Куда же я теперь без тебя?

– Хреновый получился вечер, – пожаловалась она. – Каблук еще, ко всему прочему, сломала...

– Ерунда. Главное – оба живы. А туфли еще купим. Какие угодно, самые лучшие. Согласна?

Бульдожка ничего мне на это не ответила, потому что опять отключилась.

Глава 10

– После всего, что между нами было, ты обязан на мне жениться, – заявила девушка.

– Вернее, удочерить тебя.

Друг Патрик с лихвой отработал каждую вложенную в него еврокопейку. Сделал все как надо: извлек пулю, промыл и обработал рану, зашил, обработал вторую и оставил запас лекарств. А через два дня от него прибыл человек со всем необходимым. Так что мне не пришлось светиться, скупая по аптекам перевязочный материал и пытаясь приобрести за хорошие деньги то, что продается исключительно по рецептам.

– Удочерить? – удивилась Бульдожка.

– Именно.

Все прошедшие дни я вился вокруг нее, как кокосовая пчелка вокруг пальмы. Менял подгузники, обмывал, кормил с ложечки, заставлял принимать по часам лекарства и даже ставил уколы – словом, ухаживал за ней, как мамаша за любимым дитятей.

– Просьбы, пожелания? – Я вытер ей рот и убрал салфетку с груди.

– стакан водки – желательно паленой – и сигарету.

– Зачем паленой?

– Чтобы стало еще хреновее.

– С чего такая грусть?

– Следы останутся на таком молодом и красивом теле, – пожаловалась Бульдожка.

– Ерунда, – отмахнулся я. – Врачи у нас прекрасные, очень скоро твои шрамы если и можно будет разглядеть, то только в электронный микроскоп. И то вряд ли.

– Как у тебя на груди? – ехидно спросила она.

– Его я заработал еще до того, как попал в контору.

Почти двадцать лет назад, на афганской войне, где я был обычным пушечным мясом. Таким, как я, пластические хирурги не полагались. Да и обычные далеко не всегда.

– Может, поспишь?

Бульдожка осторожно покачала забинтованной головой. Приложилась об камушек, когда падала. В результате много потерянной крови и минимум реального ущерба.

– На неделю вперед отоспалась.

– Не грусти, скоро встанешь на ноги, и мы поедем домой.

– Вместе?

– Уже ведь обсуждали. Конечно, вместе.

– За «звездюлями». – Бульдожка употребила другое слово, аналогичное по смыслу, но более, по ее мнению, подходящее.

– Почему за ними?

– Как это почему? Задание-то провалено! – Она еле слыш-

но вздохнула. – Первое мое задание, кстати. Обидно, черт.

– Кто тебе сказал, что оно провалено?

Я налил в чашку кофе и глянул на нее. Девушка еле заметно покачала головой.

– Как хочешь.

– Я не поняла, – она приподняла бровь. – Клиент ведь никуда не пропал, он просто убит.

– А, вот ты о чем. – Я добавил в чашку сахару. – «Звездюлей» на Родине не ожидается, хотя и орденов с медалями тоже не будет. Виновные, уверен, уже известны. И это точно не мы. В смысле, не Россия.

– А кто же тогда?

Глава 11

– Как кто? Те, кто на вас напал.

Я, со своей стороны, сделал кое-что, чтобы придать картине битвы у озера должное правдоподобие: выкинул в воду «пушку» толстяка-охранника и вложил ему в руку собственный «ствол», а из пистолета его молодого напарника вогнал по пуле в тех нападавших, которые еще подавали признаки жизни. Пусть теперь полиция разбирается. Хотя, уверен, не будет никакого расследования.

– Кто же это был? – не унималась Бульдожка.

– Есть, знаешь ли, на Ближнем Востоке одно маленькое, но очень обидчивое государство. Настолько обидчивое, что

немедленно высылает ответочку, ежели кто сотворит ему каку. И плевать там хотели на всю мировую общественность и права человеков. Хотелось бы, чтобы и мы так поступали, хотя бы изредка.

– Израиль, что ли? – удивилась она. – Это что, были бойцы МОССАДа?

– Они самые, – кивнул я.

– Почему ты так решил?

– Ничего я не решал. Просто узнал одного из них – встречались когда-то. Еле ноги от него унес.

Болгария, София. Три года назад.

Нас было пятеро в насквозь прокуренном люксе на третьем этаже отеля. Двое притворявшихся честными бизнесменами агентов иранской разведки и двое охранников, тоже иранцев. Плюс тоже кого-то там изображавший ваш покорный слуга. Встреча проходила в теплой дружеской обстановке, но как-то напряженно. Так всегда бывает, когда каждая из сторон пытается облапошить другую.

В дверь негромко постучали.

– Кто? – рявкнул из угла охранник.

– Обслуживание номеров, – прозвучало в ответ на плохом английском.

И сразу же всем присутствующим захотелось что-нибудь съесть и обязательно выпить, чтобы перебить горечь во рту от бесчисленного количества выкуренных сигарет. Охран-

ник подошел к двери. Щелкнул замок, и, толкая перед собой столик на колесах, в номер вошел официант – невысокий худощавый брюнет лет тридцати пяти. За ним следовала милостивая темноволосая девушка.

Увидев официанта, я аккуратно стряхнул пепел и тут же метнул ему в голову тяжеленную пепельницу из литого стекла. А сам выпрыгнул, закрыв лицо руками, на балкон. Вскочив на ноги, перелез на соседний балкон, а оттуда начал спуск вниз. Из покинутого мною номера доносились характерные хлопки – звуки выстрелов из оружия с глушителем. И тут же загремели пушки без глушителей охранников. Потом все стихло. Сидя тем же вечером с расцарапанной физиономией и забинтованными руками в совершенно другом районе города, я услышал в новостях о четырех застреленных гражданах Ирана и одной женщине без документов в «Hotel Rila Sofia».

Почему, спросите вы, иранцы попали под замес, а я нет? Элементарно: я узнал официанта. За полтора года до того случая мы оба принимали участие в каком-то экологическом конгрессе. «Авигдор Бегерман, Университет Хайфы», – было написано на бейдже этого защитника окружающей среды.

– Обрати внимание вон на того недомерка, – не разжимая губ, проговорил мой напарник и старший товарищ. Был он вполне гвардейских статей и искренне считал карликами всех, в ком не было по крайней мере двух метров роста без десяти сантиметров. – Очень интересный тип.

– Кто такой? – поинтересовался я.

– Боевик из МОССАДа. Тот еще зверюга. Руки по плечи в крови. И ноги тоже по... тебе по пояс будет.

– Жуть какая. – Я повел плечами и присмотрелся. – Бедная природа, несчастная окружающая среда...

– Точно, – ухмыльнулся напарник. – Что-то точно произойдет, чувствует мое сердце.

Он не ошибся. На следующее утро в отеле, где поселились делегаты, были обнаружены двое арабских «экологов». А Авигдор пропал, как Фома хреном слизал.

Так почему, спросите вы, я узнал в официанте того эколога, а он меня нет? Да потому что за год до нашей второй встречи я не только успел обзавестись новой мордашкой, но и как следует разносить ее. Авигдор же остался с прежним лицом.

Да, получается, что две последние наши встречи удачи ему не принесли. В результате первой пошла под откос его карьера. Никогда не поверю, что он командовал той операцией в парке, иначе дождался бы, когда влюбленные вместе с охраной поднимутся на мост, и тогда просто погнал бы их, как дичь. А получилось так, как получилось. Ничего удивительного, в МОССАДе, видать, тоже порой назначают командиром не самого талантливого и опытного, а того, кто больше нравится начальству.

А вторая наша встреча подвела черту не только под его карьерой, но и под жизнью.

У Бульдожки округлились глаза.

– Хочешь сказать, ты в одиночку уделал четверых оперативников МОССАДа? Всегда знала, что ты крут, но чтобы настолько...

– Во-первых, не четверых, а всего двоих с половиной. Во-вторых, мне помогла охрана Тобиаса. И в-третьих...

– Что же в-третьих?

– В-третьих, не надо считать нашу контору слабее любой другой. По-моему, я когда-то тебя этому учил.

Девушка посмотрела на меня с восхищением.

А мне вдруг стало немного грустно. Несколько дней назад не повезло умелому и резкому мужику по имени Авигдор. А когда-нибудь, возможно очень скоро, точно так же не подфартит и мне. Такое в нашей работе сплошь и рядом. И буду я валяться копытами кверху, а кто-то другой, более удачливый, на всех парах покинет место нашей встречи... Не хочу об этом думать.

– Знаешь, я только сейчас поняла, в какую передрагу влипла... Очень хочется выпить. Можно, а? Немножко!

– Не сейчас, – сурово ответил я. – Вот доберемся до дома, тогда пей, сколько влезет. А пока, – я достал из пакета таблетки, – прими вот это. И баиньки. Ты мне нужна на ногах и как можно скорее. Пора валить отсюда.

– Думаешь?..

– Уверен.

Не сомневаюсь, что сюда уже прибыла и приступила к работе команда спецов из того самого маленького государства на Ближнем Востоке. И моя поспешная инсценировка их вряд ли убедит. А потому самое время встать на лыжи.

Эпилог. В смысле антракт первый

До чего же я все-таки люблю возвращаться домой! Еще со времен той самой войны, хотя тогда моим домом был всего-навсего гарнизон на враждебной земле.

Как только мы пересекли границу, Бульдожка тоже воспряла духом и радостно зачирикала с заднего сиденья. Сперва стала орать: «И Родина щедро поила меня!..» (откуда она только эту песню знает?), а потом совсем расшалилась.

– И все-таки, Алекс, ты взял меня в жены! Перед богом и людьми!

– Как ты меня назвала?

– Ой, извините, Олег Игоревич.

– Смотри у меня!

Не стоит испытывать судьбу, если можно этого не делать. Поэтому, как только девушке стало полегче, я надел на ее левую ногу лангетку, и раненая конечность тут же притворилась травмированной. Бульдожка встала на костыли и бодро заковыляла.

До Хельсинки мы добрались на пароме. В кафе у порта добрый человек с трудно запоминающейся физиономией вручил мне паспорта, ключи от машины и передал кое-что на словах.

– Документы на тачку в бардачке, – сообщил он напоследок и убыл, даже не выпив кофе.

Супруги Олег Игоревич и Оксана Дмитриевна Синицины в тот же день стартовали домой. Как бы в Колпино. Я сел за руль, девушка расположилась на заднем сиденье.

– Никогда не думала, что буду так рада оказаться дома, – начала она и тут же продолжила фразой из тех, что пишут исключительно на заборах.

Здоровенный, размером чуть ли не с грузовик, внедорожник проскочил вплотную, едва не столкнув нас в кювет, и спокойно продолжил свой путь. Водитель, видно, очень куда-то торопился.

– Вот мы и дома, – заметил я.

– Оно и видно. Нас встретят в Питере?

– В Москве нас встретят, на вокзале. – Я аккуратно объехал раскорячившиеся посреди дороги древние, как этот мир, «Жигули». – И разъедемся мы с тобой в разные стороны. Только сначала отчеты напишем.

Правду, чистую правду и ничего, кроме правды. К сожалению. Был бы я в Стокгольме один, без напарницы, точно не постеснялся бы слегка отредактировать произошедшее. И тогда получилось бы, что израильтяне убили насмерть милашку Тобиаса и его охрану, а охрана, перед тем как погибнуть, поубивала нападавших. А я стоял за деревцем и наблюдал. Что-то, знаете ли, совершенно не хотелось вешать на себя уничтожение сотрудников той самой организации из той самой маленькой, но крайне мстительной страны. Причем в который уже раз.

– Во сколько наш поезд? – спросила Бульдожка.

– Они отправляются в Москву каждый час.

– Вот как... – Она положила руку мне на плечо. – А может, уедем завтра, а сегодня снимем номер в гостинице? Поедим, выпьем как следует и...

– Даже не думай, – одернул ее я. – У тебя нога прострелена.

– Я что-нибудь придумаю, – проворковала Бульдожка.

Черта с два она придумала после столького выпитого.

Антракт второй

Все тот же дачный поселок на Клязьме.

Смеркалось, негромко пели птички. Где-то неподалеку шумно радовалась жизни компания – стояли мат, крики, нетрезвый бабий визг и «Кольщик», бессмертный хит на все времена.

– Еще? – спросил Сергеич.

Я покачал головой.

– Не могу больше.

– Даже полчашечки, с вареньем?

– Ну разве что с вареньем, – согласился я.

Мой куратор заваривает прекрасный чай. Крепкий, ароматный и, что самое главное, без всяких там травок. Терпеть их не могу.

– Ну что, – Сергеич подложил мне варенья. – Молодец! Сработано нормально, замечаний у руководства не отмечается.

– Это радует, – поддакнул я.

Нас было трое на веранде: куратор, дремавший у его ноги Дуня и ваш покорный слуга.

Я угостился конфеткой.

– Скажи-ка лучше, как тебе удалось выбить из генерала квартиру?

– Он выбил ее из предшественника.

Душка-генерал, тот, который до недавнего времени командовал управлением, катапультировался на заслуженный отдых раньше, чем собирался, поэтому он не успел толком оформить и продать украденные квартиры. В том числе и ту, счастливым обладателем которой я стал. «Однушка» в «сталинском» доме на Соколе, можете себе представить? Комната двадцать пять «квадратов» с эркером, прихожая – пятнадцать, лоджия, потолки три с половиной метра. Вот только заселиться в нее я пока не мог: жилью настоятельно требовался ремонт. Так что пришлось вернуться на Клязьму к Дункану и догуливающему последнюю неделю отпуска Сергеичу.

– Однако везет тебе на израильтян! – заметил куратор. – В который раз уже с ними сталкиваешься.

– Можно подумать, я этого хотел, – огрызнулся я.

Сергеич взял со стола кусочек колбаски и бросил Дункану. Пес поймал его, не раскрывая глаз и не переставая храпеть.

– Как тебе девочка, кстати?

– Нормальная девочка. Для первого раза сойдет.

У нас в конторе не принято рассыпаться в похвалах. Неплохо, даже более того, но только для первого раза. Потому что кто его знает, что будет во второй.

Концерт второй. Через реки, горы и долины

Часть первая

Глава 1

– Господи, как голова-то болит! – Обхватив ее, многострадальную, руками, я согнулся и застонал.

Ситуация развивалась со скоростью кошачьего романа, я влетел в нее совершенно для себя неожиданно, что называется с колес, и вляпался в итоге как кур в консоме. Меня выдернули прямо посреди сдачи планового ежегодного зачета по секретному делопроизводству и инструкциям по безопасности и конспирации, что меня, впрочем, совершенно не расстроило.

А дело было так. Вице- или вице-вице-президент одной из отечественных госкорпораций решил слетать на выходные в Берлин. Зачем, спрашивается? А черт его знает. То ли решил зарегистрироваться для участия в тамошнем международном марафоне, то ли пройтись по историческим местам. А может, шалун такой, задумал вечером направиться

на местную улицу «красных фонарей» с красивым названием Ораниенбург.

Неважно по большому счету, как он собирался провести конец недели. Главное то, что в понедельник топ-менеджер на работу не вышел. А во вторник на личный номер президента корпорации позвонили. Искраженный с помощью специальной программы голос сообщил, что Вадим Игоревич (так звали пропавшего) до сих пор находится в Германии, в гостях у хороших людей, и вполне прилично себя чувствует. Хотя несколько уже поднадоел хозяевам, и те совсем не против, чтобы он покинул их дом. С радостью готовы отпустить его и даже проводить в аэропорт за чисто символическое вознаграждение в размере трех миллионов евро. Наличными, разумеется. Сообщив это, аноним пообещал выйти на связь в то же время на следующий день и отключился.

Перед руководством корпорации во всем величии встал извечный русский вопрос: что, блин, делать? Заплатить потихому – тем более что сумму запросили вполне для них подъемную – или, задрав штаны, бежать в органы, дабы переложить проблему на них. После недолгих размышлений был выбран третий вариант. Точнее, полуторный. Было решено заплатить, но сообщить об этом куда надо и попросить помощи. Органы – в смысле, моя контора – в содействии не отказали и направили меня поработать посредником при обмене свободно конвертируемой валюты на особо ценного работника.

Утром в пятницу я прибыл в Берлин, заскочил ненадолго в гостиницу и отправился в посольство. Проторчал там добрых два часа в ожидании нужного мне человека, обговорил с ним все вопросы и с чистой совестью отправился обедать.

Меня красиво свинтили прямо на улице буквально в двух шагах от ресторана. Никто из прохожих, уверен, и внимания не обратил. Не успел я и глазом моргнуть, как оказался на заднем сиденье серого неприметного автомобиля.

– Сиди спокойно, – на чистом русском скомандовал попутчик, расположившийся справа от меня. А сидевший слева молча ткнул меня в шею электрошокером. Поэтому всю дорогу я вел себя очень спокойно, как они и просили.

– Просыпайся, дружок, – прозвучал на языке родных осинчей-то негромкий ласковый голос.

С усилием я открыл глаза и принялся осматриваться. Ничего особенного, скромная гостиная: шкаф, стол со стульями, пара кресел, телевизор в углу и диван, на котором я, собственно, валялся.

Я постарался перейти в сидячее положение. Получилось, но не сразу.

– Как чувствуешь себя? – поинтересовался сидевший за столом.

– Спасибо, хреново. – Я мельком глянул на него и тут же, обхватив голову руками, согнулся и застонал: – Господи, как голова-то болит! У вас, случайно, нет аспирина или еще чего?

Наглая ложь. Я, к вашему сведению, офицер доблестной Российской армии, и голова у меня может болеть, только если по ней как следует треснуть, и то недолго. Но как еще я мог спрятать свою вытянувшуюся от удивления физиономию при виде того, кто сидел за столом в нескольких метрах от меня и ласково улыбался, как будто у него брат родной из тюрьмы вернулся? Темноволосый, худощавый, коротко подстриженный мужик лет сорока. Ничем с виду не примечательный.

Глава 2

Перед отъездом я просмотрел пару десятков досье на тех, кто занимается разными интересными делами в Европе и мог бы быть причастен к похищению: бывших наших, бывших «соседских», бывших милицейских оперов – всех тех, кому надоело горбатиться на державу за голую зарплату, а потому они принялись работать сами на себя, пользуясь навыками, которым сама же держава их и обучила. Плюс еще просмотрел нескольких более-менее толковых самоучек из числа братвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.